
Глава 1

Бродка не мог не любить краски, потому что он ими жил. Однако по необъяснимой причине он испытывал глубочайшее отвращение к пурпурному цвету во всех его оттенках и просто ненавидел этот цвет, насколько вообще можно ненавидеть собственные ощущения. Он избегал его всегда, как только появлялась возможность. Если же проклятый пурпурный, лиловый или фиолетовый не желали уходить с дороги, он прикладывал все свое искусство для того, чтобы отдалить или приглушить эти отвратительные декадентские цвета.

Александр Бродка, хорошо выглядевший мужчина примерно сорокалетнего возраста, с темными короткими волосами, работал фоторепортером и фотографом для дорогих гляцевых журналов и вот уже двадцать лет колесил по всему миру. В течение этих долгих лет ему замечательно удавалось скрывать свое отвращение к пурпурному цвету, поскольку он боялся, что умные люди могут сделать из этого какие-нибудь неуместные выводы. Сам он не знал, чем объяснить свою ненависть к столь распространенному цвету, хотя задумывался над этим не один раз. Бродка решил придерживаться мнения, что краски оказывают на людей определенное влияние и что большинство даже не осознает этого.

Вот и теперь эти мысли пронеслись у него в голове, как только он посмотрел на пляж через видоискатель своего фотоаппарата: обнаженная Ирина, которая сидела на мотороллере, широко расставив ноги, белый песок острова Марко, на заднем фоне — пальмы и бесконечная череда пляжных отелей.

— Неужели скутер обязательно должен быть лиловым? — проворчал Бродка, глядя в световую шахту своего фотоаппарата марки «Hasselblad».

Флорентина — рыжеволосая стилистка и бутафор, которую называли просто Фло, была какой угодно, только не красавицей, а во время фотосессий — девочкой на побегушках, — язвительно огрызнулась:

— Ты же сам хотел какой-нибудь темный цвет для контраста со светлым песком. Но пожалуйста, если лиловый тебе не нравится, я раздобуду мотороллер зеленого цвета, или красного, или...

— Ради бога, — перебил ее Бродка, — не будем зря тратить время. Солнце вот-вот поднимется, и жара станет просто невыносимой. Бенни, побольше света снизу и поближе!

Фотоассистент Бенни, молодой человек двадцати лет, худощавый и высокий, с длинными, соломенного цвета волосами, стоял на коленях в песке, держа в руках круглый серебристый пластиковый парус, что давало возможность отражать падающий сзади солнечный свет прямо на обнаженное тело девушки, сидевшей на мотороллере.

Ирина демонстрировала поразительное терпение и по команде Бродки раз за разом запрокидывала голову. Она была родом из Санкт-Петербурга, но, будучи по образованию учительницей, не смогла найти место в школе и с тех пор зарабатывала на жизнь, подвизаясь фотомоделью. Подборка фотографий в журнале «Флот» принесла ей известность на Западе.

Хотя откровенные фото подразумевали определенную цель — вызвать у наблюдателя сексуальное возбуждение (ни для чего другого они не годились), — работа над ними была какой угодно, только не возбуждающей.

Фло постоянно выуживала кубики льда из пластиковой коробки, протирала ими соски Ирины, чтобы после этого они минуту или две были заострены и на них виднелись капельки воды. Бродка вновь поглядел в видеоискатель. Теперь ему не понравилась складка на животе у Ирины, возникшая из-за неудобной позы. Фло устранила недостаток, приклеив на талию модели невидимый для фотоаппарата кусок липкой ленты в два пальца шириной, и крепко прижала ее, тем самым оттянув кожу назад, до задней линии ребер. В такой позе Ирина больше не могла запрокидывать голову. Ей было больно, и лицо девушки невольно кривилось.

— Мне нужно больше движения в Ирининых волосах! — раздраженно крикнул Бродка, вручая Бенни фотоаппарат.

Фло поняла, что имел в виду Бродка, и задумалась.

— Там, где дают напрокат скутеры, есть также аэролодки, ну, такие плоские лодки с огромным пропеллером на корме. Они обещают ветер. Могу распорядиться, чтобы нам принесли одну.

— Хорошая идея, — ответил Бродка и, покачав головой, добавил: — Фло, ты действительно просто неоценима.

— Заодно можно поменять и лиловый скутер.

Бродка кивнул.

— А какой цвет вам больше нравится, маэстро? — решила уточнить Фло.

— Все равно. Главное, чтобы не лиловый.

Фло помогла Ирине слезть с мотороллера, отклеила ленту, что доставило молодой русской еще больше неприятных ощущений, чем сама лента, бросила ей белую футболку.

— Это твое время, Бродка! — задорно крикнула Флорентина, заводя мотор. Покачиваясь, скутер с треском проехал по песку к узкой, выложенной из досок дорожке, которая вела от пляжа к бульвару Саус Колье.

— Теперь солнце все равно слишком высоко, — заметил Бродка, обращаясь к своему ассистенту. — Кроме того, мне кажется, что здесь чересчур много зевак. Попробуем еще раз после обеда. И тогда пусть отгородят территорию. Сможешь об этом позаботиться?

— Само собой, Бродка.

Зеваки разбежались сами, как только увидели, что работа окончена. Бродка, на котором были старые потрепанные джинсы и белая футболка, упал на песок под зонтиком. Он не жалел ни себя, ни других, когда речь шла о том, что нужно сделать хорошие фотографии. И это не означало, что Бродка был хладнокровным человеком. Он предпочитал спонтанные эмоциональные реакции — вплоть до случайных вспышек ярости, — но по отношению к людям, с которыми его связывала работа, был неизменно справедлив, правда, до тех пор, пока они выдавали оптимальный результат. Главным для него была хорошая, то есть качественная работа.

Бродка привык к жизни в превосходной степени. В Биаррице перед его объективом позировали прекраснейшие женщины мира; в Монтеррее, штат Калифорния, во время ежегодного фестиваля он имел возможность запечатлеть эксклюзивные и самые дорогие на

сегодняшний день автомобиля; для «Магнума» Бродка фотографировал самые высокие здания пяти континентов. А недавно знаменитый «Вог» на двадцати страницах напечатал его цветные фотографии, посвященные сладкой жизни мультимиллионеров на Лазурном берегу.

Все это придавало Александру Бродке определенный светский лоск, но в первую очередь обеспечивало возможность отказываться от предложений, которые ему не нравились. Прежде чем согласиться снимать Ирину, Бродка заявил, что сначала посмотрит на девушку, поскольку, как он говорил, между фотографом и моделью должна возникнуть определенная «химия», иначе все усилия будут напрасны. Как оказалось, «химия» соответствовала требованиям Бродки, и он начал снимать Ирину, но и только: между ним и красивой девушкой из Санкт-Петербурга ничего не было. В этом отношении он тоже придерживался своих принципов.

Бродка вытер рукавом пот со лба и поплотнее прижал солнечные очки к переносице. Ирина, макияж которой уже поплыл, тоже спряталась под зонтик. Бенни выудил из ящичка пару кубиков льда и прижал их к шее.

На острове Марко, расположенном у западного побережья Флориды в Мексиканском заливе, в начале ноября обычно стояла весенняя погода. В этом году летом шли дожди, и даже старожилы не могли припомнить, когда такое было в последний раз. Зато в октябре наступила необычная для этого времени жара, продолжавшаяся до сих пор, — и это накануне Дня благодарения!

Бродка молча протянул Ирине влажное полотенце.

Она поняла намек и обернула полотенце вокруг головы, как это делают бедуины, пока не осталась только узкая щель для глаз.

— Иначе твое лицо распухнет, как блин. Иди к себе в номер, снимь макияж и ляг как можно ближе к кондиционеру. Бенни скажет тебе, когда будут готовы новые декорации.

Ирина молча кивнула и направилась к отелю «Мариотт».

Пока ассистент складывал фотоаппараты, объективы, штативы и бленды в алюминиевые чемоданы, вернулась Фло. Она помахала в воздухе конвертом и еще издали закричала:

— Бродка, тебе факс!

Бродка привык получать факсы и звонки — где бы он ни находился. Он вскрыл конверт и стал читать.

Флорентина полагала, что речь идет о каком-то важном сообщении, связанном с этим заказом, и вопросительно смотрела на Бродку. Сначала, вглядываясь в его лицо, она не сумела определить значимость известия. И только когда Бродка поднял голову, молча уставился вдаль и зажмурился, словно желая раздавить несколько слезинок, Фло догадалась, что произошло нечто важное.

Не проронив ни слова, он протянул Фло сообщение. Та нахмурилась, едва прочитала адрес отправителя: Генеральное консульство Федеративной Республики Германии, 100 Норт-Бискайн-бульвар, Майами, Флорида 33132.

Глубокоуважаемый господин Бродка!

С прискорбием вынуждены сообщить Вам, что Ваша мать, госпожа Клер Бродка, умерла 21 ноября. Поскольку до сего момента не было известно ни Ваше местонахождение, ни местонахождение других родственников, похороны состоялись 25 ноября.

С уважением,

Меллер, генеральный консул

— Какое у нас сегодня число? — бесцветным голосом спросил Бродка.

— Двадцать шестое, — ответила Флорентина.

Бродка кивнул, затем вылез из-под зонтика и пошел на пляж, где прибой лизал горячий песок. На Бродке были джинсы и туфли из парусиновой ткани, но это его не волновало. Он заходил в теплое море до тех пор, пока вода не стала доставать ему до бедер. Скрестив руки на груди, он по-прежнему смотрел вдаль.

То, что чувствовал Бродка, было не болью, даже не горечью. В этот миг он чувствовал глубокую растерянность, ибо не знал, как ему справиться с этой ситуацией. Между Клер и Александром никогда не было особенно доверительных отношений, какие бывают между матерью и сыном. Что касается причин подобного отчуждения, то они всегда придерживались различного мнения, но последствия были таковы, что мать и сын избегали друг друга и никогда не говорили на серьезные темы.

Упрек в том, что он не выучился ничему путному, как говорила Клер Бродка, только смешил Александра. Бенедиктинцы, в интер-